
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЕДЕНИЯ СЕТЕВОЙ ВОЙНЫ США В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Тиганов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена актуальной проблеме трансформации политической, экономической, военной и социокультурной активности США в мировом масштабе. На смену традиционным методам управления политическими акторами и ослабления влияния национальных и наднациональных элит приходят новые способы, заключающиеся в так называемой теории сетевой войны, характерной для нынешней информационной эпохи. Главным элементом такой войны является информационный ресурс, используемый с помощью создания и закрепления всеобъемлющей сети, которая, в свою очередь, объединяет ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии в единую систему. С помощью такой сети правящая политическая элита США распространяет свое влияние на все страны и регионы мира во всех сферах и на всех уровнях власти.

Ключевые слова: сетевая война, глобализация, информационная война, США.

Активная экспансия Соединенных Штатов Америки в различные регионы планеты является наиболее актуальной и серьезной проблемой в настоящий момент для всего мирового сообщества.

Центральный вопрос для правительства США — изменение существующего геополитического устройства в интересах действующих политических элит. На фоне нарастающей глобализации и концентрации мощных финансовых ресурсов на Западе, и прежде всего в США, цели «колонизации» не только отдельной страны, но даже отдельно взятого региона давно достигаются не только военными методами. Военная сила на этом этапе мирового развития объективно играет все более вспомогательный, но при этом не менее активный характер: все меньше имеет значение разрушительность милитаристской силы и все большее — искусство экономического, политического, психологического противоборства, и прежде всего информационного контроля.

Речь здесь может идти в основном о «нетрадиционной войне», где главным являются не прямые действия, т.е. ведение политической, экономической, психологической и других видов борьбы для достижения политических целей. Оказалось, что «нетрадиционная война», основанная на стратегии «непрямых действий», может привести к геополитической победе, невиданной даже для двух мировых войн традиционного характера. Вместе с тем обычная война останется крайним средством для разрешения как внутрисударственных, межгосударственных, так и глобальных конфликтов.

Говоря о «нетрадиционной войне», мы, прежде всего, имеем в виду методы сетевого воздействия, благодаря которым осуществляется проникновение и установление контроля над национальным суверенитетом государства или целым регионом.

Сетецентричная (сетевая) война основана на Информационной эпохе — периоде, который протекает сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь США) переходят к качественно новой фазе.

Теория сетецентричных войн представляет собой модель военной стратегии в условиях постмодерна. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетецентричные войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (модерна).

Теория сетецентричных войн представляет собой перенос основных моментов постмодернистского подхода на сферу военной науки. Смысл «сети», «сетевого принципа» состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» — максимальное расширение форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть» представляет собой новое пространство — информационное пространство, в котором и разворачиваются основные стратегические операции — как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение [1. С. 323].

Главное — создание *мощной и всеобъемлющей сети*, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы — все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети и есть основная суть реформы национальной стратегии Соединенных Штатов.

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операций базовых эффектов — ОБЭ» («Effects-based operations»). Это важнейшая концепция во всей данной теории. ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» [12].

Согласно А. Дугину, ОБЭ означает заведомое установление полного и абсолютного контроля над всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях — и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны» — она не имеет начала и конца, она ведется постоянно, и ее цель обеспечить тем, кто ее ведет, способность всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы, субъекты реализации чужой политической воли.

Яркий тому пример — влияние на Европу, по-прежнему связанную с Соединенными Штатами, и расширяющую рамки международной демократической

системы сотрудничества, отчего в столь большой мере и зависит осуществление американского глобального первенства. ЕС имеет единую федеративную структуру, свои органы контроля и представительства, свой европейский парламент, избранного президента и, что немало важно, историческое наследие. И в связи со всем этим уже представляется как некая конфедеративная сила, способная противостоять в военно-политическом и экономическом отношении США. Американское правительство, в свою очередь, как очень удачливый и расчетливый геополитический игрок давно предусмотрело шаги потенциальных «партнеров-противников», предприняв активные меры задолго до происходящих событий.

Политическое давление на европейский плацдарм и лоббирование интересов через национальные элиты становятся отличным трамплином для продвижения «демократии», которое имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов. Ведь не случайно расширение ЕС на восток включает страны, чьи политические элиты давно включены в процесс продвижения гегемонии демократических сетей. Специальные службы США активно играют на противоречии взаимоотношений столь разнообразных государств. Благодаря созданию и расширению сферы влияния через реализацию собственных политических интересов правительство Соединенных Штатов пытается воздействовать и контролировать столь значительное во всех отношениях пространство.

Способы реализации поставленной задачи весьма разнообразны — это и финансирование, и лоббирование интересов различных политических элит и движений, дестабилизация региона, и стимуляция локальных конфликтов с последующим отслеживанием процесса, его направление, принуждение к миру. Особое место занимает информационное давление (пропаганда), как например, в виде постоянно нагнетающегося мифа о необходимости защиты от вездесущего терроризма, экстремизма и угрожающего всему миру тиранического правления некоторых государств (Венесуэла, Иран, Северная Корея, Белоруссия).

Хотя как в течение европейского экономического восстановления, так и в Атлантическом оборонительном альянсе США, часто провозглашая свою поддержку объединению Европы и поддерживая международное сотрудничество в Европе, действовали так, как если бы предпочитали по затруднительным экономическим и политическим вопросам иметь дело с отдельными европейскими государствами, а не с Европейским Союзом как таковым.

Выдвигавшиеся время от времени Соединенными Штатами претензии на право голоса в процессе принятия решений вели к усилению подозрений европейцев, что США поощряют сотрудничество между ними только тогда, когда они следуют американским указаниям, а не тогда, когда они вырабатывают европейскую политику. И эти подозрения действительно объективны.

Новый Свет порой создает впечатление, что ЕС — это не глобальный партнер, а только страны — союзницы по НАТО, хотя его функционирование и сохранение жизненно важно для межатлантических связей. По этому вопросу существует единодушное американо-европейское согласие. Без НАТО Европа стала бы не только уязвимой, но и почти немедленно политически расколотой. НАТО гарантирует ей безопасность и обеспечивает прочный каркас для достижения европейского единства, иногда даже без воли на то самого европейского континента.

Такая Европа зависима от США и может рассматриваться политическими элитами лишь как инструмент по продвижению американской геополитики. В такую Европу, например, рвутся ярые противники России из стран СНГ. Именно она оказывает давление на Москву с помощью правозащитных неправительственных организаций, двойных стандартов, необъективными оценками, а также искажают политический образ страны [2. С. 14].

Возможно, в определенный момент действительно единый и мощный Европейский Союз мог бы стать глобальным политическим соперником для Соединенных Штатов. Он, несомненно, мог бы оказаться экономико-технологическим конкурентом, интересы которого на Ближнем Востоке и где-либо еще расходятся с американскими. Но на самом деле такая мощная и политически единая Европа невозможна в обозримом будущем в силу ее разобщенности и нахождения в «сетях» американской гегемонии.

И что совсем неудивительно, но не только Европа оказалась в центре ОБЭ: Ближний и Дальний Восток (в том числе объявленная западной прессой территорией общего пользования Сибирь) стали объектом сетевой войны давно. Для США эти регионы довольно сложны в освоении, так как, в отличие от «Старого Света», имеют абсолютно другую культуру, традиции, взаимоотношения, политическое наследие и т.д. Соединенные Штаты нашли лазейки и в этой ситуации. Испробовав значительное количество методов открытой агрессии (война во Вьетнаме, Корее, Ираке, Афганистане и другие компании), они перешли на более безопасный, дешевый и незаметный — «культурный» и информационный вариант. Это так называемые сетевые сценарии и концепции мягкой силы (soft power).

В основе таких концепций и сценариев лежат структурные изменения в различных областях американской теоретической политики (а также в экономике, бизнесе, технологиях и т.д.), что само по себе уже влияет на восприятие национальных стратегических действий и их последствий. Выделим основные направления подобных трансформаций, которые, кстати говоря, лежат в основе и современной внутренней информационной политики американского государства.

Во-первых, это переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы, а также осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах.

Во-вторых, — рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах; повышение скорости принятия решений и мгновенная обратная связь, влияющая на этот процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним (как, например, использование электронной сети — Интернета, информационных агентов или средств масс-медиа) [4. С. 64—66].

Помимо вышеописанного, следует указать здесь цели и методы введения сетевых принципов во внешнюю национальную политику Соединенных Штатов. Целью перехода к сетцентричным моделям являются: во-первых, обеспечение наличия политических (и военных) союзников и друзей, а также установление политического и информационного контроля над ними; во-вторых, внушение

мысли о бессмысленности соперничества и противостояния с США (как союзникам, так и противникам); в-третьих, предупреждение угроз и агрессивных действий против национальной политики государства путем использования информационных сетей, а также возможности краткосрочных военных операций («маленькие победоносные войны») для поддержания имиджа сверхдержавы.

В качестве методов выступают следующие элементы: быстрая политическая реакция на событие благодаря мгновенной информационной передаче по сетям; увеличение потребности противника в информации и одновременно сокращение доступа к ней; превращение пользователей информации в ее поставщиков, как сырых, так и обработанных данных; быстрая адаптация к возможным изменениям; непрекращающаяся разработка новых информационно-политических стратегий.

Необходимо упомянуть, что в основе структурной составляющей сетевых войн лежат четыре области, воздействующие поэтапно или же одновременно на объект (государство, например). Каждая из них имеет самостоятельное значение: физическая, информационная, когнитивная и социальная.

Физическая область — это традиционная область войны, в которой происходит столкновение физических сил во времени и в пространстве. Эта область включает в себя среды ведения боевых действий (море, суша, воздух, космическое пространство), боевые единицы (платформы) и физические носители коммуникационных сетей. Этот аспект лучше всего поддается измерению и ранее служил основой при определении силы армии и способности вести боевые действия. В информационную эпоху это становится не столь очевидным, и следует рассматривать физический аспект как некий предельный эффект действия сетевых технологий, основная часть которых расположена в иных областях, но которые проецируют на физическую область свои эффекты. Именно данная область уходит на второй план в современном противостоянии, оставляя место для маневра и более широкого использования других областей.

Уже классическая военная стратегия обнаружила, что развертывание войны напрямую зависит от стартовых условий. От того, в каком контексте и при каком балансе сил начнется война, во многом зависит, как будут развертываться дальнейшие события. Поэтому задача сетевых войн: а) заранее повлиять на стартовые условия войны, заложить в них такую структуру, которая заведомо приведет сторону к победе; б) спровоцировать сочетание во времени и в пространстве ряда событий, которые призваны повлиять на потенциального противника и заблокировать его ответную инициативу.

Когнитивной областью является сознание бойца. Именно она является тем пространством, где преимущественно осуществляется ОБЭ. Все основные войны и битвы развертываются и выигрываются именно в этой сфере. Именно в когнитивной области располагаются такие явления, как «намерение командира», доктрина, тактика, техника и процедуры. Сетевые войны придают этому фактору огромное значение, хотя процессы, происходящие в этой сфере, измерить значительно сложнее, чем в области физической. Но их ценность и эффективность подчас намного важнее.

Информационная область — это сфера, где создается, обрабатывается и распределяется информация. Данная область покрывает системы передачи информации, базовые сенсоры (датчики), модели обработки информации и т.д. Это преимущественная среда эпохи сетевых войн, которая выделилась в самостоятельную категорию наряду с физическими средами и приобрела важнейшее, если не центральное, значение. Информационная область в эпоху сетевых войн связывает между собой все уровни ведения войны и является приоритетной. Преимущества или недостатки в накоплении, передаче, обработке и охране информации приобретают постепенно решающее значение.

Социальная область представляет собой поле взаимодействия людей. Здесь преобладают исторические, культурные, религиозные ценности, психологические установки, этнические особенности. В социальном пространстве разворачиваются отношения между людьми, выстраиваются естественные иерархии в группах — лидеры, ведомые и т. д., — складываются системы групповых отношений. Социальная область является контекстом сетевых войн, которую следует принимать во внимание самым тщательным образом [1. С. 327].

И здесь ярким примером может служить долгосрочный проект США по размыванию национальной идентичности социума потенциальных партнеров/противников.

Социальное влияние Соединенных Штатов Америки на мир в чем-то сродни феномену «культурной революции», но оно более привлекательно и не связано с насилием, а оказываемое им воздействие более стойко в плане долгосрочных интересов и в силу этого обладает большим преобразующим потенциалом.

Вдохновляемая Соединенными Штатами глобальная культурная революция изменяет социальную мораль, культурные ценности, личные вкусы, сексуальное поведение и материальные запросы молодого населения почти всего мира.

Существует весьма примечательное единство вкусов в отношении модных компакт-дисков, американских фильмов и телевизионных сериалов, магнетической привлекательности рок-музыки, распространения цифровых игр, во всеобщем проникновении джинсов и влиянии на местные традиции американской массовой культуры. В результате происходит процесс унификации, смешивание местных особенностей с универсальными американскими культурными ценностями. Впоследствии это приводит к размыванию национальной идентичности, ментальности и исторического наследия.

В основе необычайной привлекательности американской массовой культуры лежит американская демократия, сочетающаяся с неограниченными возможностями для самореализации, успеха и личного обогащения. Стремление к личному богатству — сильнейший социальный импульс в американской жизни и основа американского мифа.

Движимые этой притягательной силой, США стали «внеплановым» и политически неуправляемым средством культурного соблазна, который просачивается, захватывает, меняет поведение и, в конечном счете, духовную жизнь все более значительной части человечества. Буквально ни один континент, ни одна страна (за исключением, может быть, Северной Кореи и Ирана) не защищены от непре-

одолимого проникновения многопланового и мощного воздействия этого образа жизни.

Подобная ситуация в большей степени как раз и является результатом сетевой стратегии и вместе с тем она — динамичный продукт открытой, предприимчивой и высококонкурентной американской демократической системы. В этой системе гарантией успеха почти в любой сфере является новаторство, включая те сферы деятельности, которые в совокупности создают массовую культуру.

В результате мы имеем глобальное доминирование США в области кино, популярной музыки, Интернете, массовых гастрономических привычках, в языке, в сфере высшего образования, короче говоря, в том, что называют «мягкой властью» американской гегемонии. И тут непосредственно делается акцент на молодых граждан, чьи ценностные ориентиры только начинают формироваться, для кого возможность изменения национальной культуры вполне может оказаться закономерной в современных глобализационных условиях.

В особенности изменился стиль мировой политики под влиянием Нового Света. В какой-то мере подражание американскому политическому стилю отражает общее укрепление позиций демократии после победы над тоталитаризмом. Подобный стиль активно привносится в жизнь пришедшей к власти, управляющейся извне либеральной политической элитой.

Однако это в такой же мере результат массового американского маркетинга, экспорта за рубеж американских технологий рекламы в средствах массовой информации (включая агрессивную политическую платную рекламу) и системы манипуляции обликом политических деятелей. Американизация раскрепощает личность, опрокидывает существующие обычаи, вызывает — чаще всего неосуществимые — социальные амбиции и подрывает основы существующего порядка, в том числе духовные и культурные устои.

Дилемма американской внешней политики состоит в том, что инициированные США культурные перемены вступают в конфликт с традиционной стабильностью (как, например, в исламском мире). Провоцируя политическую нестабильность и одновременно неизбежно приковывая к себе мировое внимание, глобальная культурная привлекательность США ограничивает поле для маневра внешнеполитического эшелона и возможности проведения политики, исходя из узкого понимания национальных интересов Соединенных Штатов. Америка, безусловно, извлекает политическую выгоду из своего распространяющегося не только на Восток, но и по всему остальному миру культурного влияния, а из этого следует ее реализация глобальных национальных интересов: военных, геостратегических, экономических и прочих [10].

В национальных геостратегических амбициях Соединенных Штатов сомневаться не приходится. Это самый искусный игрок в сегодняшней сетевидной войне. Современный политический курс США на установление мирового господства в период после окончания так называемой «холодной войны», прикрытый лозунгами Нового Мирового Порядка, Партнерства во имя мира и расширения НАТО, борьба за завоевание наследия Советского Союза (американское вторже-

ние в геополитический вакуум Евразии, образовавшийся после распада СССР) и за передел мира в мир, послушный США, является завершающей ступенью авантюристической политики территориальной и экономической экспансии, которую американский империализм проводит уже длительный период.

Сложившаяся на сегодняшний день ситуация является продуктом давних замыслов и установок, которые были определены в различных политических программах и доктринах. Именно в них содержались основные цели, задачи, стратегии и методы достижения успеха превосходства над остальным миром. Эти документы определяли стратегию на долгосрочный период, пересматривались и дополнялись по мере вступления человечества в новые эпохи своего развития.

Так, например, политический миф доктрины Монро (1823 г.) создавался параллельно со становлением «американской империи» в первой четверти XIX в. В ней было определено, что гегемония, так же как и империя, требуют создания легитимирующей мифологии. В процессе завоевания новых имперских пространных мифология утверждает политику господства и подчинения: «мы господствуем над тобою, поскольку наше господство служит твоим интересам».

В контексте утверждения гегемониального порядка мифология должна создать веру, что существующие отношения господства и подчинения естественны и основаны на взаимной выгоде обеих сторон, а те, которые в этом сомневаются, «или совершенно невежественны, или же преступники и грешники».

Таким образом, американский империализм стал отождествляться с волей Бога, а дальнейшие захватнические войны, проводимые США, с утверждением воли Бога, с выполнением Божественного Провидения. И все это, по сути своей, безусловно, стало служить не во благо простому американскому народу, а интересам финансовой олигархии и политической элите [5].

Продолжение этой доктрины политического мифа есть не что иное как все та же культурная экспансия американских демократических «ценностей» и последующее установление в том числе и военного контроля с помощью сетевой стратегии.

В четвертом послании Конгрессу США Рузвельт открыто внес поправки к доктрине Монро в виде дополнительных международно-правовых аспектов, которые можно обобщить в следующих постулатах.

1. США — единственный властелин в Западном полушарии. Воля США — закон. Свобода абсолютной односторонности действий США является организационным принципом в Западном полушарии, определяющим международно-правовые взаимоотношения между странами Западного полушария.

2. Принципы общего международного права никакого применения не имеют и не могут иметь в Западном полушарии.

3. Новое международное право в Западном полушарии создается единственно актами волеизъявления США, и поэтому его нормы не имеют и не могут иметь характер многосторонности. Иными словами, сила — это право.

4. США обладают абсолютным правом интервенции в страны Западного полушария для поддержки своего владычества.

5. Демократические страны в Западном полушарии — это страны, которые признают и подчиняются господству США, держа двери своих экономик открытыми для американских монополий. Страны, которые оспаривали бы владычество США, являются недемократическими странами, и в отношении этих стран США могут и будут применять свою функцию «жандарма» [3].

Подобные заявления как нельзя лучше подходят для освоения важнейшего геостратегического пространства, в том числе благодаря военно-полицейскому присутствию на территории стран региона, создания баз (и военно-политических тюрем ЦРУ) или просто размещения подземных комплексов для защиты всего человечества от угрозы вездесущего терроризма.

Еще одним из продолжений доктрины Монро стала политико-стратегическая программа Мэхэна (начало XX в.), которая сводилась к следующим трем пунктам.

1. Внешнеэкономическая экспансия США: всемирное расширение «заморской» торговли, вывоз капитала, захват внешних рынков.

2. Внешнеполитическая экспансия США: активная колониальная политика, захват еще не поделенных территорий и военная борьба за передел мира в пользу США в бассейне Тихого океана и в Латинской Америке.

3. Военно-стратегические мероприятия по закреплению завоеванных территорий и сфер влияния и подготовке к дальнейшей борьбе за мировое господство.

Более того, в программе Мэхэна открыто оправдывалось насилие в международных отношениях, что, по сути, оправдывало победоносную борьбу за источники сырья и завоевание новых рынков. И здесь мы можем обозначить программу Мэхэна как закрепленную основу сетевого проникновения через, например, «гуманитарные интервенции» [11. Р. 45].

Помимо всего прочего была предпринята успешная попытка доминирования в экономической сфере (проникновение национальной валюты в национальные экономики других политических акторов). Доллар стал мировой не подкрепленной золотовалютным запасом денежной единицей, и впоследствии долларовый кризис, соответственно, тоже стал мировым.

Американские политические элиты вообще долго стремились к экономическому господству, пытаясь создать легко контролируемые финансовые потоки и марионеточные государства, которые в полной мере зависели бы от экономики США. Ведь сила сконцентрированного капитала является столь же реальной и материальной, как и сила организованной армии.

Примером этого служат те действия, которые проводили особые агенты американских спецслужб в странах «третьего мира» — так называемые «экономические убийцы», использовавшие международные финансовые организации, чтобы создать ситуации, в которых другие страны становятся подвластными корпоратократии — системе власти, в которую входят американские крупнейшие корпорации, правительство и банки.

Используя в корыстных целях напряженность в некоторых геостратегических зонах, США вместе с их западными партнерами «запустили» процесс дестабилизации на длительный период. По сути своей используя подконтрольную полити-

ческую элиту, общественные организации и фонды, проворачивались операции по обнищанию государств, как это было сделано в странах Центральной Америки и Африканского континента. Вся предыдущая история является подтверждением того неоспоримого факта, что полное экономическое проникновение имеет тот же эффект, что и территориальная оккупация [6].

Политику Соединенных Штатов всегда отличало стремление к захвату рынков сбыта, сфер влияния и приложения капиталов, которые обеспечили бы Соединенным Штатам руководство миром, если (на первом этапе) не в военно-политическом, то, по крайней мере, в финансово-экономическом и дипломатическом отношениях. В этом как раз и заключается еще одна особенность сетевой войны — в распределении сил, где преимущество отдается переходу от формы физического занятия обширного пространства к функциональному контролю над наиболее важными стратегически элементами, а также переходу к нелинейным действиям во времени и пространстве. Провозглашая своим основным принципом «невмешательство в чужие дела», Вашингтон на деле проводил свою политику глобального вмешательства и попытки установить мировое господство США. Действует только одно правило — один организм должен победить и уничтожить другой. Слабый организм должен погибнуть.

Войны информационной эпохи основаны на сознательной интеграции всех четырех областей. Из них и создается сеть, которая лежит в основе ведения военных действий. Сферы пересечения этих областей имеют принципиальное значение. Настройка всех факторов сети в гармоничном сочетании усиливает военный эффект от действия вооруженных сил, а сознательные действия, направленные против противника, напротив, расстраивают его ряды, разводят эти области между собой, лишая тем самым важнейшего фактора превосходства.

Пентагон давно получил задачи упреждающе воздействовать на страны, способные оказать сопротивление всем этим планам. Одна из них направлена против стран Евразии, Ближнего Востока и Северной Африки, другая — против потенциальных конкурентов из Европейского и Тихоокеанского регионов. Список стран поистине длинный, ведь с момента начала американской истории «рука свободы» коснулась уже половины мира. К тому же обеспечение контроля над некоторыми государствами является достижением геополитического преимущества перед будущими «противниками демократии».

В качестве одного из рычагов сетевого проникновения Соединенные Штаты активно используют политизированные силовые структуры, в том числе ЦРУ, и миллионные суммы долларов для того, чтобы купить, убить или свергнуть правительства, которые сопротивляются американскому империализму. Установление марионеточных режимов, в исторической перспективе являющееся традиционным и хорошо испробованным американским способом уничтожения суверенитета стран и порабощения народов, необходимо рассматривать как акт международной агрессии. Эта форма агрессии и называется «скрытой войной», которая нередко проявляется в форме внутренних междоусобиц или гражданских войн, но за кулисами непременно управляется американским «мастером марионеток». Цель «скрытой войны» и силовой политики принуждения США — «уничтожить существующее суверенное государство или превратить его в управляемый морально подав-

лений субъект», зависимый от американской политической воли и военного присутствия [9].

К слову сказать, подобная тактика была применена США совсем недавно. ЦРУ создало, полностью вооружало и финансировало бандформирования албанских террористов (т.н. Армия Освобождения Косово — АОК) в Югославии (аналогичные операции проводились группой «контрас» в Никарагуа — борьба за влияние в Центральной Америке в 1981 г.).

В целях финансирования бандформирований АОК ЦРУ наладило хорошо организованную преступную структуру контрабанды наркотиков и наркоторговли в Европе. И что из этого вышло, и так всем понятно — государство Югославия перестало существовать. Характерно то, что подобные операции были проведены и в России (Чечня) при поддержке Великобритании (М6). Ведь уже в 1995 г. появились сведения о том, что отдельные боевики-бандиты Дудаева обучались в тренировочных лагерях ЦРУ в Пакистане и Турции.

История знает немало подобных примеров. Я уже не говорю о недавнем конфликте с Грузией, в частности, о подготовке диверсионных групп для осуществления подрывной деятельности на территории Северного и Южного Кавказа [7].

Разумеется, существуют акции протеста, митинги, демонстрации «неповиновения» и прочее во многих странах и даже в самих Соединенных Штатах. Но, как известно, на любое действие найдется свое противодействие. А это превосходная внешняя информационная политика, внутригосударственное информационное зомбирование, моральное подавление.

Способность управлять национальным государством поистине является искусством. Структуры внутренней безопасности США достигли поставленной задачи — воспитание таких людей, которые могли бы объединить всех американцев вокруг империалистических «идеалов» экспансионизма, поклонения сильным личностям и насилию. Быть американским идеалистом означало верить в богоизбранность американского глобального экспансионизма и содействовать установлению американского мирового господства. Прототипом такого идеалиста считается «ковбой-завоеватель» Дикого Запада. Но если в прошлом завоевывался исключительно Дикий Запад, то новый идеалист, уже вооруженный «военной мощью» адмирала Мэхэна, а позднее и идеологией «Вильсонского универсализма», уже отправился на завоевание всего мира.

Население Америки любит маленькие победоносные войны. Они укрепляют уверенность в глобальной стабильности их страны и в собственном будущем. Именно поэтому воспитание патриотических настроений среди населения всеми доступными способами стоит на первом месте американской социальной политики, что поддерживает их изначально принятые идеалы.

Проще говоря, вся информационная политика направлена на упрощение, контроль и управление сознанием собственных граждан.

Пропагандистская машина масс-медиа работает круглосуточно, причем в большей своей степени в сфере виртуального развлечения — т.е. в том, что больше всего востребовано. Причем важно заметить, что в большинстве своем информационное воздействие действует на опережение. Так сказать, задолго до конфликта

или «тяжелых» для Соединенных Штатов событий происходит некое подготавливание почвы, для того чтобы оправдать последующие действия и склонить в нужное русло общественное мнение. Это в первую очередь касается голливудской киноиндустрии, различных телепередач, которые показывают геополитические процессы с нужной точки зрения.

В последнее время особое внимание уделяется виртуальной среде как наиболее востребованной в XXI в. Это, прежде всего интернет-среда и сфера компьютерных развлечений. Они, без преувеличения, являются основным источником мировосприятия для подавляющего большинства населения США. Внедрение в информационную сеть идей, что их страна является жертвой происходящего и всего лишь стремится помочь остальному миру прийти к единственно-правильной форме бытия — демократии, не составляет особого труда. Теперь государству даже необязательно что-то повторять — ему достаточно громко заявить один раз, а повторением займется «киберпартизаны» [8].

Внешняя информационная тактика весьма похожа. Управляемые масс-медиа (в основном европейские) информируют круглые сутки о необходимости в поддержке и оказании помощи молодым подающим надежды демократиям (Украина, Грузия, Молдавия, Польша, страны Прибалтики и другим) и о воздействии на государства, угрожающие безопасности мировой системы (Иран, Венесуэла, Россия и прочие). Везде и всегда слышится только одно: «США не стремятся к мировому господству. США стремятся зажечь свет, которого мир никогда прежде не видел — свет свободы, принципов и справедливости». Подобная политика эффективна, если слово поддерживается делом. Если бы, например, Россия помимо военного сотрудничества (продажа вооружений и совместные военные учения) экспортировала еще и отличную продукцию легкой промышленности, информационной индустрии на уровне японской, американской и западноевропейской, то и к нашему слову было бы совсем другое отношение. Мы уже не говорим про новые технологии, установление культурных связей и хотя бы даже кинематограф, который не в состоянии противопоставить себя (за редким исключением) тому же Голливуду. А Голливуд своими, в массе примитивными кинотворениями завоевал сознание во всем мире миллионов зрителей, не говоря про миллионы долларов.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно заключить, что все это по своей сути уникальнейшая сетевая стратегия Соединенных Штатов, которая разрабатывалась и претворялась в жизнь не одно десятилетие. Шаги, предпринимаемые Россией сейчас, безусловно, играют позитивную роль в долгосрочной перспективе, но пока, к сожалению, это реакция постфактум, что в природе современных геополитических отношений является непростительной ошибкой. Чем, в свою очередь, будут непременно пользоваться наши так называемые «американские партнеры».

Однако в связи с последними событиями (на Кавказе для России и президентскими выборами для США) возможна временная передышка для пересмотра стратегии и предупреждения дальнейших глобальных вызовов. Но, несмотря на заявления нового президента США Б. Обамы об изменении политической стратегии страны, в реальности едва ли «перезагрузка произошла».

Здесь важно понять, что изменение политического и военного курса данного государства вовсе не зависит от смены правящей партийной элиты (республиканской или демократической). Подобные тенденции опровергаются исторически. Так, например, исполнение программы по выводу военного контингента из Ирака приостановлено. На официальных переговорах двух президентов в Москве было объявлено об отмене строительства ПРО в Восточной Европе (взамен достижения договоренности по транзиту американских войск через территорию России в Афганистан).

Однако следует отметить, что в скором времени американский эмиссар Джо Байден в своей поездке по данному региону сумел убедить правящие элиты в том, что проект Обамы предполагает не отказ от линии ПРО в Европе, а ее усиление, создание более совершенной и эффективной системы. Более того, он дал понять, что на их территории (Чехия, Польша, Румыния) к 2018 г. будут размещены мобильные ракеты-перехватчики. Байдену удалось доказать, что «мифическая перезагрузка отношений с Москвой не изменит стратегического подхода Вашингтона» к восточноевропейской части санитарного кордона вокруг России.

Время, которое сейчас имеется, необходимо потратить на укрепление взаимоотношений с потенциальными союзниками в Европе и других частях света, а не на бросание укоризненных взглядов на страны СНГ и бывших восточно-европейских друзей. Слушают и присоединяются к сильным, а значит, нужно эту силу демонстрировать.

Сейчас очень важно показать, что американская национальная стратегия пребывает в кризисе, что Соединенные Штаты теряют свое первенство, что гипноз рассеивается и миф об американском всемогуществе и способности контролировать весь мир постепенно рушится.

Очень важно, чтобы именно благодаря России многие осознали, что Америка рассматривает своих сателлитов в Евразии и других регионах не как партнеров, а как расходный материал. Это должно быть уяснено. Ни народы, ни, тем более, политические элиты государств не являются для США приоритетом. Приоритет только один — углубление, распространение и закрепление сетевого присутствия. Поэтому необходимо заручиться поддержкой стран с мощной развитой экономикой, политической и военной силой. Остальные сами подтянутся. Танки, корабли и самолеты — это, конечно, хорошо, как и совместные военные учения с государствами, чье само существование приводит в политический шок Вашингтон; но сейчас время действовать более тонко: информационными технологиями. Не точечно, а разрабатывая и притворяя в жизнь стратегию виртуального воздействия на реальное сознание. Только это на сегодняшний день будет способствовать укреплению позиций для России в этой глобальной геополитической игре. Для этого есть все, было бы желание...

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Дугин А.* Геополитика постмодерна. — М.: Амфора, 2007.
- [2] *Дугин А.* Статья «Призрак Шарлеманя» // Журнал «Однако». — 2009. — № 12.
- [3] *Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. — М.: 1960.

- [4] *Коровин В.* Главная военная тайна США. Сетевые войны. — М.: ЭКСМО, 2009.
- [5] От доктрины Монро до Нового Мирового Порядка. URL: <http://www.politolog.ru/imperia/kreitor10.htm>
- [6] *Перкинс Д.* Исповедь экономического убийцы. — М.: Издательство «Претекст», 2005.
- [7] Россия-Грузия: Сетевая война («Open Democracy», США). URL: <http://chelemendik.tv>
- [8] Сетевая война и бархатные революции // <http://www.pravda.ru/politics>
- [9] «Сетевая война» по-американски // <http://nvo.ng.ru/concepts>
- [10] Экспансия США и крепнущая Россия // www.panarin.com
- [11] *Mahan W.J.C.* Then and Now // The Influence of history on Mahan. The proceedings of a Conference marking the centenary of Alfred Thayer Mahan's "The Influence of Sea Power upon history, 1660—1783" / ed. by J.B. Hattendorf. — Newport, 1991.
- [12] *Smith E.A.Jr.* Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. — Washington: DGDodD CCRP, 2002.

THE BASIC DIRECTIONS OF CONDUCTING THE NETWORK WAR OF THE USA IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

I.V. Tiganov

The Department of Comparative Political Studies
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the actual problem of transformation of the USA political, economic, military and socio-cultural activity in the world. Instead of traditional methods of the USA to manipulate political actors and to weaken national and supranational elites there appear new ways of the network theory of network war typical of the modern information epoch. The main key of such a war is an information resource, which acts with the help of creation and strengthening of comprehensive network, which in its turn unites models and concepts of military strategy existing earlier into the unique system. With the help of such network the USA ruling political elite spreads its influence upon all the countries and regions of the world in all the spheres and levels of power.

Key words: network war, globalization, information war, the USA.